

Р. Н. ПОДДУБНАЯ

О ПРОБЛЕМЕ НАКАЗАНИЯ В РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

В богатейшей литературе о «Преступлении и наказании» одной из самых спорных и наименее ясных проблем до сих пор остается проблема наказания. Между тем во второй части романа проблема эта осмыслена и поставлена столь же глубоко и всесторонне в социальном, этическом, психологическом и философском планах, как в первой — проблема преступления. С известной долей условности можно утверждать, что вторая часть романа представляет собой такое же «введение в действие» в аспекте «наказания», каким первая является в аспекте «преступления».¹

Вторая часть «Преступления и наказания» представляет собою калейдоскоп событий, фактов и лиц текущей обыденной действительности, потому что они изображены без той *внутренне необходимой связи*, которая сцепляет разорванные во времени и в пространстве факты первой в целостную картину жизни. Но отсутствие связей характеризует не авторское изображение мира, а восприятие его героем и является закономерным следствием «*experimentum crucis*» («решающего эксперимента») ² Раскольникова.

Раскольников реагирует на окружающее, реагирует мгновенно и эмоционально, испытывая давление самой жизни и не рассуждая, не будучи в состоянии осмыслить ни явление, ни свою на него реакцию. В первой части романа Раскольников выступал не только как человек дела, но и как *инициатор* его, провоцирующий события и поступки других и в этом отношении двигающий сюжет. Во второй части, исключая разговор с Заметовым, герой теряет инициативу действия, становится объектом действий дру-

¹ См.: Поддубная Р. Н. Особенности художественной структуры романа Достоевского «Преступление и наказание». — В кн.: *Метод и мастерство*. Вып. 1. Русская литература. Вологда, 1970, с. 178—194.

² См.: Кузнецов В. Этюды об Эйнштейне. М., 1970, с. 110—129.

гих. Поступки героя сводятся к отражению ударов действительности, поэтому во второй части события движут сюжет и проворачивают действия героя.

Безоговорочно и окончательно осудив себя сам, Раскольников готов быть осужденным другими людьми, т. е. каждым человеком в отдельности — Дуней, Разумихиным, Соней, но не теми, кто под видом гуманности и справедливости защищает антигуманные нормы современного общества. Страх разоблачения, почти парализовавший сознание Раскольникова в первой—третьей главах, включает в себя, кроме прочего, нежелание именно общественного наказания как несправедливого. Усиливаясь с обострением работы сознания, сосуществуя с безоговорочным самоосуждением Раскольникова, сопротивление несправедливой законности объясняет парадоксальное сочетание в поведении героя стремления покаяться и напряженной борьбы против разоблачения.

Сложившаяся после убийства ростовщицы ситуация отчетливо показала герою, что отчуждение личности, самоизоляция ее для самоутверждения являются законом и нормой существования человека в мире, где царствует борьба всех против всех. Любое стремление к установлению человеческих контактов здесь становится признаком неустойчивости, неспособности к самоутверждению и, по законам социальной нравственности, подлежит осуждению и презрению как слабость. Следовательно, возникает альтернатива «человечность — сила», перед необходимостью однозначного решения которой стоит член данного общества.

Весь комплекс, составляющий этот закон социальной нравственности, уже был ясен сознанию Раскольникова и послужил нравственным обоснованием для его «дела», так что дополнительной работы интеллекта для освоения этого закона в момент исповеди не требовалось. А реакция на его исповедь чиновников полицейской конторы, подтвердив верность прежнего вывода, показала герою, что человечность не может стать основанием ни его взаимоотношений с окружающими, ни их суда над ним (гл. I). Но в таком случае категория человечности оказывается полностью исключенной из существования героя: из его общественного бытия по законам социальной нравственности, из его личного бытия в силу нарушения им законов истины-справедливости. Вот почему именно *после исповеди* Раскольников ощутил *абсолютное отчуждение*: «Мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения вдруг сознательно сказалось душе его <...>. Не то чтоб он понимал, но он ясно ощущал <...> что не только с чувствительными экспансивностями, как давеча, но даже с чем бы то ни было ему нельзя более обращаться к этим людям, в квартальной конторе, и будь это всё его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно неважно было бы обращаться к ним и даже ни в каком случае жизни...» (б, 81—82).

Полнота отчуждения и самоизоляции заставляет личность в себе одной искать опору существования и предопределяет решение альтернативы «человечность—сила».

Эта альтернатива состоит из категорий, качественно несопоставимых, принадлежащих разным системам. Категория «сила» этически нейтральна, этическое содержание ей дает характер и направление приложения силы. Категория «человечность», напротив, чисто этическая, несущая качественную оценку уже самою собою. *Совершаемая в альтернативе подмена этического по содержанию критерия этически нейтральным* открывает широкие возможности для наполнения последнего любым содержанием. С другой стороны, поскольку подмена произошла, количество силы становится показателем уровня нравственности: тезис Раскольникова «У них кто сильнее — тот и прав» точен как формула социальной нравственности. Согласно этой формуле, единственной опорой нового существования может быть внутренняя сила личности, прежде всего самодовлеющая сила сознания. Тогда объективация переживаний Раскольникова и изображение объективного мира в его перспективе обусловлены не только авторским стремлением наиболее полно исследовать внутренний мир героя, но и художественной логикой характера личности, необходимо замыкающейся в собственном сознании.

По той же формуле преступление Раскольникова не подлежит осуждению, если герой использует его результаты, и подлежит, если по собственной инициативе отдастся в руки правосудия.³

Таким образом, хаос, смятение, распад сознания, практическая беспомощность, необъяснимые в сознании Раскольникова, в авторской модели мира представлены как закономерное состояние героя-монумента и как неизбежное следствие конфликта между законами истины-реальности и истины-справедливости, которым в равной мере подлежит герой. Соотношение моделей мира автора и героя позволяет утверждать, что важнейшей задачей авторского *exerimentum stucis* является *не наказание героя за нарушение законов человечности, а исследование наиболее вероятного выбора им — человеком современного писателя общества — оснований личного бытия и связанных с различными вариантами этого выбора перспектив общественно-идеологического развития.*

Специфика художественной структуры первых пяти глав второй части романа состоит в параллельном развитии двух планов: активного, наполненного событиями, движущего сюжет мира объективной реальности и замкнутого в себе субъективного мира героя, вынужденно реагирующего на «живую жизнь». Первый сюжетный план, начатый вызовом в контору и разговором поручи-

³ Много позднее Раскольников скажет об этом Соне: «И что я скажу: что убил, а денег взять не посмел, под камень спрятал? — прибавил он с сдвоен усмешкой. — Так ведь они же надо мной сами смеяться будут, скажут: дурак, что не взял. Трус и дурак!» (6, 323).

чика-пороха и Никодима Фомича о преступлении, включает в себя бурную деятельность Разумихина (гл. III), его беседу с Зосимовым об убийстве процентщицы (гл. IV), продолжение ее при участии Лужина (гл. V). Этот план реализован как информационный, как рассказ героев о предпринимаемых ими действиях, как анализ готовящихся или свершившихся событий. насыщенный информацией, он создает иллюзию широко развернутого во времени и в пространстве сюжетного действия, которое на самом деле сосредоточено на предельно узкой сценической площадке (например, в третьей—четвертой главах в комнате Раскольникова при полной неподвижности героя). Этот план подготавливает дальнейшее развитие действия, вводя новых героев (Лебезятников, Порфирий), намечая их сюжетные связи, и провоцирует поступки главного героя, которые так или иначе сводятся к сокрытию улик. Наиболее же существенно то, что рассказы героев содержат и информацию, и оценку ее рассказчиками, т. е. разговоры поручика-пороха, Никодима Фомича, Зосимова, Разумихина, Лужина передают этическую оценку преступления Раскольникова людьми, живущими в данном обществе. Показательно, однако, что именно *этическая оценка* поступка отсутствует в разговорах этих лиц. Их интересуют обстоятельства дела и возможность обнаружения преступника, но не его личность и еще менее основания убийства, которое всем представляется не совсем обычным, но все-таки исключительно уголовным преступлением. Не менее показательно, что первым о нравственных основаниях преступления и возникающих в связи с ними принципиальных идеологических проблемах заговорил Лужин, перед тем только что сформулировавший закон социального бытия, исключаящий какую бы то ни было нравственность.

Подтверждая социальную ложь и лицемерие квалификации обществом поступка Раскольникова как рядового уголовного преступления, эти факты определяют интерес героя только к юридической стороне следствия и исключают для него возможность по собственной инициативе явиться к властям с повинной.

Субъективный мир героя, составляющий второй сюжетный план первой—пятой глав, построен на повторяющейся психологической схеме: как только Раскольников убеждается, что разоблачение и юридическое наказание ему не грозят, «животная радость» спасения сменяется глубокой тоской и злобой, ибо каждый раз возникает вопрос о новых основаниях жизни, а они несут «мучительное, бесконечное уединение и отчуждение». Неоднократное повторение схемы снимает ее случайность, но не отменяет субъективности ощущений и выводов. Для проверки их истинности, как и во введении в действие, необходимо их соответствие с миром «других людей», с миром объективной реальности. Мир объективной реальности первой—второй глав, исповедальных и диалогизированных третьей—пятой глав соотнесен с мироощущением героя *в художественной структуре романа*, т. е. в мо-

дели мира автора, но не в сознании Раскольникова. Кроме того, представленная этими главами объективная реальность является только один из явков мира сего — нравственно-кредо представителей официально-чиновных или господствующих кругов общества (поручник-порох, Зосимов, Заметов, Никодим Фомич, Лукин). Следовательно, для выбора героем своего пути и норм нового бытия ему необходим *сознательный и активный выход к миру социально униженных*, который ранее обосновал правомерность преступления Раскольникова.

Начало такого выхода намечено в шестой главе, которая является переломной в художественной структуре второй части и всего романа.

Глава начинается твердой решимостью героя сделать однозначный выбор: «... всё это надо кончить сегодня же, за один раз, сейчас же <...> домой он иначе не воротится, потому что не *хочет так жить*» (6, 120—121). Однако решимость не предопределяет характера выбора, делая равно возможными любые его варианты. Вновь открывшийся герою мир Сепной площади, распивочных, нищих, торгующих мещан, еще сохранивших видимость приличия и уже совсем опустившихся жепцин и т. д. интересует теперь Раскольникова не законами социального существования, а *этическими нормами эмпирического бытия каждого данного субъекта*: не случайно «его почему-то тянуло со всеми заговаривать» (6, 122). Особое значение в этой связи приобретает почти «физиологическая» по мапоре описания сцена с уличными жепцинами, которые говорят о совести. Эта сцена показывает Раскольникову, что единых нравственных критериев нет и в мире отверженных, что законы человечности далеко не всегда определяют нравственные оценки в среде социально униженных. Дуклида считает безнравственным в момент, когда Раскольников обращается к ней просто как к привлекательной жепцине, поступать как публичная жепцина: «Я, милый барин, всегда с вами рада буду часы разделить, а теперь вот как-то при вас *совести* не соберу» (6, 123. — Курсив наш, — Р. П.). Она решает попросить у него денег — так будет человечнее, т. е. нравственнее. У другой жепцины иные критерии нравственности. С точки зрения профессиональной этики, акт купли-продажи тела, как и всякая торговая сделка, нравственной оценке и самооценке не подлежит, тогда как просить деньги — безнравственно: «Это уж я и не знаю, как это так просить! Я бы, кажется, от одной только *совести* провалилась <...>. Говорила и осуждала она спокойно и серьезно» (6, 123. — Курсив наш, — Р. П.).

Относительность нравственных критериев, этическое безобразие вновь увиденного Раскольниковым мира нищеты подготавливает контроверзу героя «как бы ни жить — только жить!». Она снимает категоричность исходного тезиса «не хочу так жить!» и переносит акцент на саму жизнь с любым ее содержанием. Этот вывод в свою очередь исключает вероятность самоубийства героя

(6, 131—132), но делает присмлемой даже «жизнь на аршине пространства», когда вокруг «вечный мрак, уединение и вечная буря» (6, 123). Повторяющийся здесь мотив абсолютного отчуждения теперь рассматривается как вполне возможная основа существования, что подготавливает интерес Родиона к философии и мироощущению «преступившего» Свидригайлова. С другой стороны, самая вероятность такого основания бытия предопределила концентрацию сознания героя и выяснение им возможной тактики борьбы против всех. Таковы внутренние причины, казались, внезапного интереса Раскольникова к официальным сообщениям газет о ходе следствия и разговора с Заметовым, первого во второй части романа инициативного действия главного героя. Этот диалог-бой составляет важный момент в развитии действия, в структуре романа и не сводится к желанию Родиона «показать лзык» или к мазохистскому наслаждению нравственной пыткой. Разговор-бой с Заметовым является для Раскольникова «пробой» поведения на официальном следствии, равно «репетирующей» и признание, и защиту. Так что формулировки героя в начале разговора не случайны и проявляют экспериментальный характер последнего: «... объявляю вам... нет, лучше: „сознаюсь“... Нет, и это не то: „показание даю, а вы спимаете“ — вот как!» (6, 125). Эту разведку босм, которая содержит и практическое признание, и выяснение оптимальной линии защиты в борьбе с официальной юриспруденцией, Раскольников строит на *столкновении двух систем мышления*.

Сначала он связывает известные следствию факты привычной для юриспруденции нормативной логикой мышления столь доказательно, что сделанное полупризнание почти убеждает нормативно мыслящего Заметова в виновности Родиона. Но Родион, казалось бы, вразрез с логикой становится спокойным. Но «вразрез» только с нормативной логикой, так как проведенный эксперимент показал Раскольникову, что при подобной логике и основанном на ней следствии сильная личность с ненормативным мышлением вне опасности. Поэтому герой сравнительно легко разбивает «почти-уверенность» Заметова относительно своей виновности и ограждает себя от каких бы то ни было подозрений следствия: он дерзко и насмешливо противопоставляет нормативной логике мышления и поведения сильной личности, контролирующей каждый шаг сознанием, делает тем больший упор на «себя лично», чем «серьезнее и тверже» смотрит на него Заметов. С точки зрения нормативного мышления эта логика алогична, парадоксальна и не под силу обычному, нормальному человеку. Но именно на подобную нормативность мышления Заметова и делает ставку главный герой, так как в этой системе все им рассказанное о преступлении и сокрытии улики вместе с еще одним полупризнанием («А что, если это я старуху и Лизавету убил?») приобретает чисто теоретический характер и интерес как психологическая гипотеза, степень реализации которой более чем сомни-

тельна. Для Заметова она невероятна, и Раскольников теперь в его глазах вне подозрения. «А Заметов, оставшись один, сидел еще долго на том же месте, в раздумье. Раскольников *невзначай* перевернул все его мысли пасчет известного пункта и окончательно установил его мнения. „Иван Пестрович — болван!“ — решил он окончательно» (6, 129. — Курсив наш. — Р. П.). Позднее Разумихин подтвердил Родиону полный успех его эксперимента.

Этот эксперимент позволил Раскольникову выяснить способ наиболее надежной защиты, предопределив и визит главного героя к Порфирию по собственной инициативе, и поведение его во время визита. Родион не предвидел появления юриста с непорядочным мышлением, когда рухнула вся система защиты, основанная на противопоставлении разных типов мышления. Увидев в следователе во время первой же встречи человека, равного себе по глубине, широте и типу мышления, Раскольников, естественно, попытался противопоставить официальной свою *философскую систему*, дающую новую этическую квалификацию бытию людей.

Наметив дальнейшее развитие сюжетной линии Раскольников—Порфирий, бой с Заметовым имел важное значение для самоопределения героя, став проверкой его личных возможностей, испытанием силы. При всей напряженности и мучительности эта проверка дала положительный результат. Уверенность Заметова, что намеченные Родионом логика и поведение не под силу обычному человеку, наполняет героя горделивым ощущением своей необычности, неординарности. Но тому же Заметову «по делу видно», что совершил его человек не такого типа: «...руки-то все-таки дрогнули: обокрасть не сумел, не выдержал» (6, 127). Иными словами, объективные факты опровергают претензии героя причислить себя к разряду *необыкновенных*. Показательно, что на замечание Заметова «...Раскольников как будто обиделся» (6, 127). Но этот мотив пока не становится объектом размышления героя. Сознание собственной силы, необыкновенности, уверенности в себе, ощущение победы в блестяще проведенном эксперименте объясняют природу «чуждого наслаждения», которое входит в сложную гамму чувств, переживаемых Раскольниковым после поединка.

Проведенное героем испытание силы как возможного этического основания бытия входит в авторскую концепцию действительности, подвергается в ней экспериментальной проверке, вносящей существенные коррективы в выводы героя. Функции авторского корректирующего эксперимента в данном случае выполняет встреча Раскольникова с Разумихиным, следующая непосредственно за поединком главного героя с Заметовым.

Столкновение главного героя с Разумихиным показало, что принцип «сила вместо человечности» не может стать универсальным и прочным основанием бытия человека и либо требует отказа Родиона от каких бы то ни было связей с людьми (абсолют-

ное отчуждение), либо выбора человечности и, значит, наказания за преступление. Поскольку ни одно из этих требований не является полностью справедливым, постольку все «исходы» оказываются для героя равнозначными и равно возможными. Герой перебирает мысленно три таких «исхода» — канаву (самоубийство и, следовательно, самоосуждение), контору (признание и, следовательно, общественное покаяние), квартиру старухи (убежденность в правоте сверхъестественного). Он не в силах выбрать ни одного «исхода», но готов при малейшем давлении извне принять любой.

Посещение квартиры, где Раскольников «почему-то» ожидал найти все по-прежнему, «даже, может быть, трупы на тех же местах на полу», показательным желанием героя вызвать в себе сильное и определенное ощущение — одно из двух пережитых в момент «дела»: либо убежденность в правоте, либо отвращение к себе. Любое из них гарантировало бы определенность «исхода». Раскольников, дергая колокольчик, «вслушивался и припоминал. Прежнее мучительно-страшное, безобразное ощущение начинало всё ярче и живее припомиаться ему, он вздрагивал с каждым ударом, и ему всё приятнее и приятнее становилось» (6, 134). Эмоционально четкое ощущение этически остается неопределенным, двусмысленным: напрашиваясь на арест, провоцируя принуждение со стороны окружающих, оставляя все данные для опознания, Раскольников тем не менее пребывает в состоянии неустойчивого равновесия. Поэтому сцену посещения квартиры старухи обрамляет вопрос: «Скажу я им или не скажу?» (6, 132); «Так идти, что ли, или нет?» (6, 135). Герой по-прежнему ждет внешнего толчка. Последний вопрос он задает себе, «остановясь посреди мостовой на перекрестке и осматриваясь кругом, как будто ожидая от кого-то последнего слова» (6, 135).

Таким внешним толчком становится гибель Мармеладова (гл. VII). Раскрытые сю социальные тупики, вновь вспыхнувшее сознание ежеминутного попрания человечности вернули действительность нормам общественно-социальной реальности, исключенным на определенное время из кругозора главного героя. Социальное бытие «бедных людей», которое в первой—пятой главах второй части оставалось только в авторской концепции мира, входит теперь и в картину мира героя в качестве решающего фактора объективной действительности, на которую совершенное Родионом преступление не оказало никакого влияния. Поэтому «чистое авторское слово» (традиционная *Er-Form*) в сцене смерти Мармеладова имеет особое значение, подчеркивая объективность изображенного, его независимость от восприятия Раскольниковым.

Факты социального бытия «бедных людей» вновь, как и во введении в действие, оказались решающими факторами поведения и мироощущения Раскольникова: они подтвердили неотразимость и жестокость нравственных императивов истины-реальности, в свете которой законы человечности, добра, чистоты — при безусловной истинности и справедливости — оказываются беспомощными

и пепужными. Доказательство тому — разговор Катерины Ивановны со священником о грехе, божьей справедливости и пр.: ни одного аргумента из арсенала божьей правды не мог предложить священник вдове в качестве *практического выхода* и помощи. Поскольку деньги Раскольникова вновь стали единственной реальной помощью и спасением от голода, т. е. в высшей степени нравственной и гуманной силой, — то в сознании героя возникла связь, которая могла стать прочным и полностью удовлетворяющим основанием новой жизни, — связь «силы» и «добра». «Довольно! — произнес он решительно и торжественно; — прочь миражи, прочь паузские страхи, прочь привидения!.. Есть жизнь! Разве я сейчас не жил? Не умерла еще моя жизнь вместе с старой старухой! <...> Сила, сила нужна: без силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же, вот этого-то они и не знают» (6, 147). Такое основание разрешало разом все мучившие Раскольникова вопросы, делало несущественным и самый факт преступления, и его эмоциональные последствия. Отсюда «новое и необъятное ощущение вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни» (6, 146). Благодарность Пощечки стала только подтверждением для героя реальности его надежд.⁴

Однако и в данном случае сказались особенности психики и сознания Раскольникова — рационалиста, «фанатика идей». Новое основание бытия представилось ему той кардинальной идеей, которая сама собой разрешит все частные, конкретные ситуации и которая вновь исключает эмоциональные факторы из числа активно действующих: «Царство рассудка и света теперь и... и воли, и силы... и посмотрим теперь!» (6, 147).

Синтез силы и добра, «разрешивший» измученную «мысль» Раскольникова, обусловил полное спокойствие героя в разговоре с Пикодимом Фомичом, с Зосимовым, с Разумихиным о ходе следствия. Сила деятельного добра, по мысли Раскольникова, позволяла нравственно оправдать (искупить) преступление не только в собственном сознании, но и быть оправданным другими людьми — теми, для кого будет совершено добро: «...меня целовало сейчас одно существо, которое, если б я и убил кого-нибудь, тоже бы... одним словом, я там видел еще другое одно существо... с огненным пером...» (6, 149—150).

Но найденные Раскольниковым основания бытия подлежат проверке объективной реальностью. Обморок героя при виде матери и сестры — первое свидетельство того, что новая этика не выдержит проверки.

В результате «хаос и смятение» второй части завершились созданием Родионом новой, достаточно четкой концепции бытия. Эта концепция справедлива с точки зрения истины-реальности,

⁴ В данном случае существенно, что благодарит Родиона не Соля и не Катерина Ивановна, а именно ребенок; существенно и то полное доверие, абсолютная откровенность, с которыми девочка относится к Родиону (6, 146—147).

она отражает истинные законы существования и взаимоотношений людей в обществе. Она приемлема по субъективным качествам героя и обеспечивает ему победу в борьбе с официальной юриспруденцией. По бытию на основании силы ведет к отчуждению личности и исключает гуманность из норм существования. Осознание этого обуславливает, с одной стороны, напряженный интерес Раскольникова к мировосприятию людей с ненормативной этикой (Соля, Свидригайлов), а с другой — стремление создать собственную. Уже во второй части намечены оба пути, но на первый шаг выдвигута пока что этика, основанная на нравственном применении силы, что по сути дела является попыткой согласовать законы истины-реальности и истины-справедливости на основе единичного добра.

Возможность создания такой этики и обоих путей Родиона во второй части только намечена и требует всесторонней проверки. Кроме того, они намечены только в сознании героя, т. е. субъективны, а потому должны быть проверены в объективных основаниях и последствиях каждого из вариантов.

С третьей части романа и начинается *проверка*, представляющая собой авторский философский «решающий эксперимент», «внутри» которого экспериментирует герой.

Таким образом, законы художественной структуры второй части «Преступления и наказания» дают все основания утверждать, что проблема наказания не только в философско-этическом, но и в художественном плане является равновеликой и равноценной проблеме преступления. Вместе с тем структура второй части показала, что при всей неразрывности и взаимозависимости проблемы *относительно автономны*, что потребовало полноты философского осмысления каждой из них и обусловило качественные отличия художественного материала, связанного с их решением.

Следует подчеркнуть именно качественные отличия материала, так как структура второй части убедительно доказывает, что в постановке и решении обеих проблем участвует *вся полнота художественной действительности, и притом в равной мере*, но при решающем воздействии на героя мира «бедных людей» и этических норм его бытия. Именно и только так создаются прочные художественные основания для гуманистического и демократического, а не нормативно-моралистического суда над главным героем и наказания, к необходимости которого приходит он сам.